

УДК 396:316. 3

ТАТЬЯНА БУРЕЙЧАК,

кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии Львовского национального университета имени Ивана Франко

Плохие времена для мужчин? Социологические интерпретации кризиса маскулинности

Аннотация

Целью статьи является анализ современных способов концептуализации кризиса маскулинности. Так, автор обращает внимание на тот факт, что в академических дискуссиях обращение к данному феномену часто предполагает существенно разные способы его понимания. Учитывая это, в статье предложена классификация основных подходов к теоретической интерпретации кризиса маскулинности. Среди них выделяются исторический подход, в соответствии с которым кризис маскулинности — это продукт социальных трансформаций XIX–XX веков; эссенциалистский, подчеркивающий то, что кризис маскулинности существовал всегда и является неотделимым аспектом гегемонной маскулинности; критический подход, согласно которому кризис маскулинности является результатом моральной паники и далеким от реальности дискурсивным продуктом. В статье также предлагается различать понятия “кризис маскулинности” и “кризисный опыт мужчин” и анализируется, как именно выделенные теоретические подходы апеллируют к этим концептам.

Ключевые слова: кризис маскулинности, кризисный опыт мужчин, гегемонная маскулинность

В последние годы в украинском академическом, политическом и публичном дискурсах наблюдается “изобретение маскулинности”, а именно усиление внимания к вопросам, связанным с мужчинами. Поднимаются вопросы рассмотрения мужчин как индивидуальных и коллективных социальных агентов, социальных норм, регулирующих их поведение, особенностей их образа жизни и т.п. Эту проблематику исследуют, в том числе и в социологической перспективе [Марценюк, 2008; Бурейчак, 2008; Bureychak, 2009; Janey, 2009; Рябчук 2008; Стрельник, 2009; и др.]. Проводятся круглые

столы, посвященные обсуждению проблем мужчин¹, создаются мужские общественные организации², которые пытаются решить эти проблемы в практической плоскости. Спецификой такого “изобретения” является, во-первых, внимание к особому гендерному опыту мужчин, то есть признание того, что мужчины таковы, какими они есть, не только от природы, но и во многом в силу факторов исторического, политического, экономического, социального и культурного характера; во-вторых, убеждение в том, что речь идет о некоем проблемном опыте, то есть что мужчины часто негативно или деструктивно реагируют на современные социальные трансформации или, другими словами, что современная маскулинность пребывает в кризисе. Масс-медиа особенно подогревают эту дискуссию, апеллируя к “девальвации мужчин”³, их социальной и физической деградации⁴, дефициту⁵, иногда даже требуют занести их в Красную книгу⁶. Общим для большинства такого рода дискуссий, как академических, так и публичных, является недостаточно четкое понимание кризиса маскулинности, его причин и последствий. Это, в свою очередь, приводит к непоследовательности и хаотичности освещения данного вопроса, заставляя задуматься, о чем, собственно, идет речь — о кризисе маскулинности или кризисе репрезентации, то есть существуют ли реальные причины для беспокойства по поводу ситуации мужчин. Не является ли это всего лишь неким дискурсивным продуктом, результатом моральной паники? А если да, то это влечет за собой дополнительные вопросы о том, каковы тогда могут быть причины подобной обеспокоенности, каково ее место в современном социально-политическом контексте, каким образом эти дискурсы влияют на кризис как определенный реальный опыт мужчин. Неясно также, является ли кризис маскулинности доказанным фактом или же речь идет о некоей угрозе такого кризиса в будущем. Проблемной остается и концептуализация кризиса маскулинности, а именно различие кризиса маскулинности как определенного концепта и кризиса мужчин (или мужчин в кризисе) как определенного жизненного опыта. Исходя из этого,

1 Например, круглый стол “Роль мужчины в семье и общине” (Комсомольск, Центр развития ребенка и семьи “РОДИС”, 25 ноября 2010 года), круглый стол “Гендерные проблемы мужчин” (Харьков, Главное управление по делам семьи, молодежи и спорта Харьковской облгосадминистрации, 5 ноября 2010 года), круглый стол “Положение мужчин в Украине” (Киев, Верховная Рада, 19 февраля 2009 года), круглый стол “Приобщение мужчин к борьбе с гендерным насилием” (Луганск, Фонд народонаселения ООН в Украине, 25 сентября 2008 года) и т.п.

2 В Украине созданы и действуют такие организации, как украинско-шведский проект “ОЛЕГ” (Винница), “Адаптационный мужской центр” (Тернополь), “Международный Союз Мужественных Пап” (Славянск, Донецкая обл.), “ТОРО”, папо-школы (Кировоград), школа родительской компетентности “Станиславский папа” (Ивано-Франковск), Общественный центр “Мужчины против насилия” (Херсон, Луганск), “Ассоциация мужественных пап Винниччины” (Винница) и др.

3 *Годованець О.* Девальвация чоловіків, або За кого виходити заміж українським жінкам? // Главред. — 24.07.2008.

4 *Коваленко Н., Лащенко О.* “Квола стать”. Чи справді в Україні вимирають чоловіки? // Радіо Свобода. — 22.05.2009.

5 ТСН від 18.06.2010.

6 Газета “День” № 174 від 12.10.2006.

целью статьи является теоретический анализ проблемы кризиса маскулинности, в частности, рассмотрение и систематизация основных теоретических подходов к объяснению данной проблемы, а также выяснение причин и индикаторов кризиса маскулинности, которые подтверждают или опровергают существование такого феномена.

Прежде всего следует прояснить специфику понятий “маскулинность” и “кризис”. В современной академической мысли широко признана идея плюральности маскулинностей и невозможности охватить все многообразие опытов мужчин одним общим понятием маскулинность. Итак, при обсуждении вопроса “кризиса маскулинности” речь пойдет не о маскулинности в целом, а о ее особом определении, которое соответствует господствующему традиционному пониманию, ее проявлениям и практикам. Рейвин Коннелл определяет такую маскулинность как гегемонную и отмечает, что для нее характерны стремление к доминированию, ориентация на работу, демонстрация физического преимущества и отсутствие эмоционального компонента. Гегемонная маскулинность всегда конструируется относительно других маскулинностей и феминностей, подчиненных ей [Connell, 1987]. Таким образом, я ограничу эту дискуссию обсуждением маскулинности, соответствующей патриархатной гендерной системе и легитимирующую ее, в то же время я осознаю, что существуют другие понимания маскулинности, кризисные состояния которых могут иметь иные причины и последствия.

Еще одним ключевым понятием в этой статье выступает “кризис”. Использование его в паре с маскулинностью весьма проблематично. Гегемонная маскулинность функционирует на различных уровнях общества, поэтому ее кризисные состояния могут определяться существенно иначе. Если рассматривать кризис маскулинности как кризис самоидентификации, то она должна проявляться как определенная проблематичность реализации (performing) идентичности в социальном пространстве, последствиями чего могут быть деструктивные практики, направленные на себя или других, в частности, депрессия, пессимизм, неадекватное социальное поведение, злоупотребление алкоголем, наркотиками, агрессия, насилие, суициды и т.п. Чаще всего кризис идентичности связан с изменениями социальных условий и сложностью адаптации к ним. Однако, как будет продемонстрировано далее, кризис можно рассматривать и в качестве перманентного признака идентичности. В этом случае речь идет о конкретном жизненном опыте с признаками проблемности. По моему мнению, в данной ситуации более адекватно использовать термины “мужчины в кризисе” или “кризисный опыт мужчин”. Когда же говорят о смене господствующих социальных представлений о гегемонной маскулинности, способной подвергнуть сомнению ее содержание и способы легитимации, более уместно понятие “кризис маскулинности”.

Вместе с тем в теоретических дискуссиях категории “кризисный опыт мужчин” и “кризис маскулинности” часто не разграничивают, хотя речь идет о совершенно разных феноменах. Нужно особо подчеркнуть, что кризис маскулинности совсем не обязательно должен приводить к кризисным опытам мужчин и наоборот. Эти два феномена влияют друг на друга, но не взаимообуславливают. Для подтверждения этого тезиса приведу пример Скандинавских стран, где представления о маскулинности и феминности в последние десятилетия претерпели важные трансформации в сторону уменьшения бинарного противопоставления и усиления критики проявлений гегемонной маскулинности, вместе с тем продолжительность и качество жизни мужчин

там остаются на очень высоком уровне по сравнению с другими странами. В этой ситуации можно, обобщая, говорить о наличии потенциального кризиса маскулинности как концепта и относительном отсутствии кризиса в виде деструктивных аспектов жизненного опыта мужчин.

Некоторые теоретики критикуют концепт “кризис маскулинности”, обращая внимание на неадекватность сочетания этих двух понятий. В частности, Р.Коннел полагает, что поскольку маскулинность — это не когерентная система, а определенная конфигурация гендерной практики в конкретном историческом контексте, то говорить о ней как о находящейся в состоянии кризиса нецелесообразно. Однако можно говорить о ее трансформации или разрушении ее господствующего понимания [Connell, 1995: p. 84]. Учитывая это, Р.Коннел предлагает применять термин “кризисные тенденции”, которыми отмечено общее состояние современного гендерного порядка. Эти кризисные тенденции охватывают три составляющих структуры гендерного порядка: во-первых, *отношения власти*, а именно требование равных экономических, политических и социальных прав и возможностей для женщин и мужчин, а также равного для них доступа к власти; во-вторых, *производственные отношения*, то есть возможности самореализации женщин в трудовой сфере, технологические сдвиги, ведущие к переосмыслению гендерных ограничений конкретных профессий, а также требования гендерного равенства в присвоении продуктов общественного труда и доступе к богатству; в третьих, *катексис*, или *сексуальные желания* и связанное с этим возрастание социальной приемлемости не-гетеросексуальности и женских сексуальных желаний [Connell, 1995: p. 85–86]. Таким образом, Р.Коннел, по сути, апеллирует к тенденции упадка патриархата — идеи, которая вызывает довольно неоднозначное восприятие и критику со стороны гендерных исследователей (см., напр.: [Edwards, 2005: p. 18]).

Несмотря на определенную содержательную расплывчатость, идея кризиса маскулинности прочно укоренилась в академическом дискурсе как одна из наиболее часто обсуждаемых проблем в области современных гендерных исследований. Этот концепт часто артикулируется в контексте дискуссий о преступности, насилии, отцовстве, работе с детьми, сексуальности, браке, маргинализации, гендерных ответах на глобализацию и т.п.

Осознавая теоретическую неоднозначность термина “кризис маскулинности”, некоторые исследователи предлагают выделение определенных направлений его концептуальной операционализации. Например, Т.Эдвардс говорит о “кризисе извне” (англ. “*crisis from without*”) и “кризисе изнутри” (англ. “*crisis from within*”) [Edwards, 2005: p. 7–8]. “Кризис маскулинности извне” охватывает эмпирически фиксируемые *изменения социального положения мужчин* в таких институтах, как семья, образование и работа. В первую очередь речь идет об относительном ослаблении безапелляционных в прошлом привилегий и властных позиций мужчин в этих сферах. “Кризис маскулинности изнутри” предполагает более сложные для эмпирической фиксации *изменения опытов и идентичностей мужчин* в плане своего *социального положения* в качестве мужчин. В этом случае говорят о чувствах безысходности, бессодержательности и неопределенности, которые потенциально переживают мужчины в результате ослабления их властных социальных позиций. Центральным в обоих случаях оказывается вопрос власти, являющийся определяющим для определения как маскулинности в целом, так и ее кризиса. Т.Эдвардс подчеркивает, что социологическая литература о кризисе мас-

кулинности нередко содержит смесь теоретических и идеологических оснований объяснения этого феномена. Соответственно, он выделяет три перспективы: *историческую*, утверждающую беспрецедентность современного кризиса маскулинности; *психоаналитическую*, которая акцентирует интерпретацию кризиса в психологических терминах и в меньшей мере обращает внимание на более широкие социальные и экономические трансформации; *постструктуралистскую*, осуществляющую теоретическую деконструкцию кризиса маскулинности на основе антиэссенциализма и концентрирующуюся на вопросах власти и сексуальной политики [Edwards, 2005: p. 17]. Классификация Т.Эдвардса охватывает ведущие тенденции в рассмотрении кризиса маскулинности, однако не отражает множества интерпретаций, имеющих общие исходные позиции в понимании этого феномена.

На основе анализа современных социологических исследований, в которых поднимаются эти вопросы, я предлагаю несколько иную классификацию главных подходов к пониманию кризиса маскулинности. В частности, я выделяю три основных перспективы понимания сути этого феномена — историческую, эссенциалистскую и критическую. Названия этих подходов предполагают необходимость определения их дескриптивной сущности. Первый подход (исторический) рассматривает кризис маскулинности как новое беспрецедентное явление, обусловленное социальными, культурными, экономическими и политическими трансформациями начиная с середины XIX века. Второй подход (эссенциалистский) убеждает в обратном, а именно в том, что кризис маскулинности существовал всегда как неотъемлемый аспект маскулинности, имеющий тенденцию актуализироваться/обостряться в определенные исторические периоды. Согласно с третьим (критическим) подходом спекуляции по поводу кризиса маскулинности ныне не имеют достаточных оснований, и кризис маскулинности — это результат моральной паники, определенный дискурсивный продукт, имеющий мало общего с реальностью. Рассмотрим подробнее сущность этих точек зрения в отношении кризиса маскулинности.

Исторический подход: кризис маскулинности — продукт социальных трансформаций XIX–XX веков

В основе исторического подхода лежит идея о том, что маскулинность динамична по своей природе, однако ее изменения не всегда имеют последствия, которые можно оценить как конструктивные. Современный кризис маскулинности рассматривается как уникальный социокультурный продукт XIX–XX веков. Его основными факторами являются процессы модернизации, индустриализации, бюрократизации труда, усиление требований гендерного равенства, рост конкуренции на рынке труда со стороны женщин, дестабилизация семейной иерархии. Сюда также относятся усиление значения подкрепления идентичностей через консьюмеристские практики, развитие гей-движений, коммерциализацию мужского внешнего вида, распространение андрогинных мужских идентичностей, метросексуальности и т.п. [Faludi, 1999; Clare, 2000; Segal, 2006]. Эти факторы в совокупности способствуют изменению гендерного баланса, что усложняет выполнение мужчинами традиционных ролей и подрывает их властные позиции.

Одним из наиболее значимых социальных изменений XX века стало уравнивание прав женщин и мужчин, закрепленное и гарантированное мно-

гими странами на государственном уровне. Исходя из этого современный кризис маскулинности объясняется как реакция мужчин на усиление конкуренции со стороны женщин, как результат потери безусловной власти и господства во многих сферах общественной жизни, которые были закреплены за мужчинами в течение длительного исторического периода. Эти процессы особенно заметны на примере трансформации гендерных представлений, норм и ролей в контексте работы, семьи и конструирования внешнего вида.

Сфера труда. Традиционно работа и занятость рассматриваются как важный аспект мужской идентичности, приобретающий особое значение в современных западных индустриальных капиталистических обществах. В контексте некоторых социологических теорий, например, теории половых ролей, работа выступает фундаментальным компонентом мужской роли. Индикатором успеха мужчин в жизни считается успех и достижения в работе и карьере. Вместе с тем ситуация на рынке труда не всегда способствует подобному способу утверждения маскулинности. Модернизация, индустриализация, урбанизация и со временем переориентация на сервисную экономику приводят к сокращению занятости мужчин и ее нестабильности в сфере производства, а также к стигматизации мужчин, потерявших “настоящую мужскую работу”, работу, основанную на физическом труде [Beunon, 2002: p. 87; Messner, 2006: p. 74]. В то же время эти процессы сопровождаются ростом трудовой занятости женщин и требований гендерного равенства в сфере труда.

В постсоветском контексте наиболее драматическим моментом для статусной динамики оказались начало и середина 1990-х годов — время после распада Советского Союза, характеризовавшееся не только стремительным ухудшением материальной ситуации, но и ощутимой для значительной части населения нисходящей статусной мобильностью. Но поскольку традиционные гендерные нормативы в большей степени акцентируют важность самореализации в публичной сфере для мужчин, нежели для женщин, потеря социального статуса была гораздо более болезненной именно для этой гендерной группы [Шевченко, 2002; Здравомыслова, Темкина, 2002]. Для многих украинских мужчин решением данной проблемы стало психологическое бегство от нее путем обращения к алкоголю и наркотикам. Середина 1990-х годов отличалась ростом количества мужчин, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью и расстройствами. Однако официальная статистика советского и постсоветского периодов различается по уровню валидности, поэтому подтвердить данные тенденции компаративным анализом на основе надежных статистических данных, в этой ситуации проблематично. Хотя можно проследить динамику продолжительности жизни населения в конце советского и в начале постсоветского периода (рис. 1).

Как демонстрируют приведенные данные, продолжительность жизни населения Украины в течение этого периода снижается, однако в случае мужчин этот показатель уменьшается в большей мере по сравнению с сокращением продолжительности жизни женщин. Так, с 1986 по 1995 год продолжительность жизни мужчин сокращается на 5 лет (с 66,9 до 61,2), тогда как в случае женщин эта разница составляет 2,5 года (с 75 до 72,5) [Human Mortality Database, s. a.]. Очевидно, что определение степени деструктивного влияния экономического кризиса на мужчин и женщин требует более обоснованных исследований, но даже на основании этих данных можно проследить некоторые гендерные различия опытов, которые могут быть связаны с негативными последствиями экономических процессов.

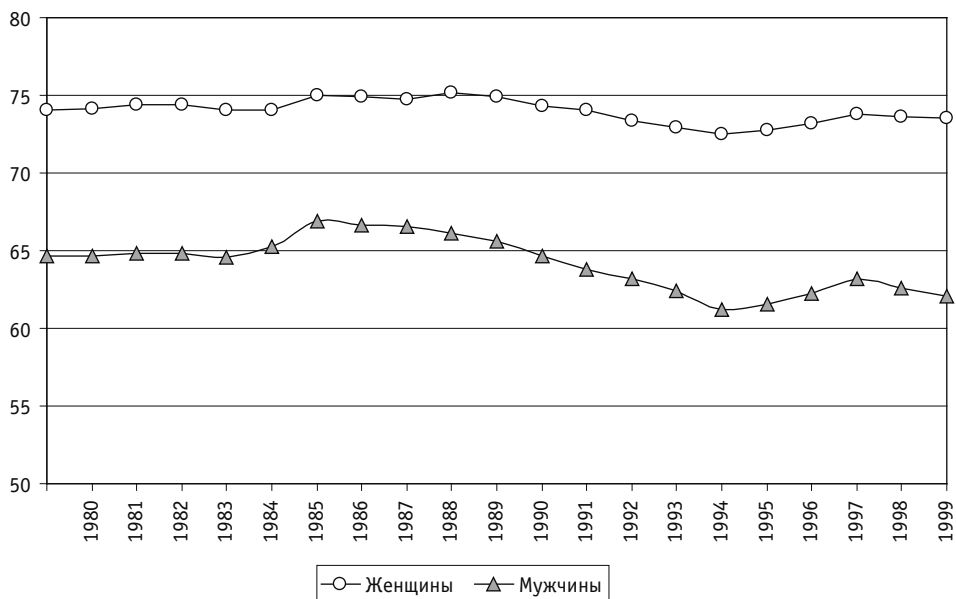

Рис. 1. Динамика продолжительности жизни женщин и мужчин в Украине (1980–2000 годы)¹

Семейная сфера. Изменение роли мужчины в семье фундаментальнее всего связано с изменениями гендерных позиций на рынке труда. Занятость женщин в оплачиваемой трудовой сфере привела к появлению домохозяйств с двумя, хотя обычно неравными, источниками доходов. Это — вместе с проблемами трудоустройства и карьерного продвижения в условиях нестабильной экономической ситуации — существенно подрывает позицию мужчины как единственного семейного кормильца и ослабляет власть мужчины в семье. Конечно, в большинстве развитых стран, включая Украину, занятость женщин в профессиональной сфере превратилась в социальную норму, но ситуация, когда женщина получает более высокую зарплату, занимает более высокую социальную позицию и более успешна в карьере, чем мужчина, в общих чертах нетипична и зачастую социально не одобряется. В частности, в Украине 65% населения (и женщины, и мужчины) убеждены, что именно мужчина должен зарабатывать больше [Гендерні стереотипи, 2007: с. 71]. Финансовая независимость и профессиональная успешность женщин может послужить основанием для распада семьи и деструктивных реакций мужчин. В современном украинском обществе фактором, способствующим реконфигурации ролей семейного кормильца, становится также трудовая миграция женщин. Эти процессы наиболее заметны в западных регионах Украины, где 60–70% трудовых мигрантов составляют женщины [Циммер, s.a.; Володько, 2007]. Трансформации семейных гендерных прак-

¹ Human Mortality Database. University of California, Berkeley (USA), and Max Planck Institute for Demographic Research (Germany). [Electronic resource] available at : www.mortality.org or www.humanmortality.de.

тик в сторону уменьшения бинарного противопоставления и взаимного исключения проблематизируют ряд вопросов, связанных с институтом брака, семейным насилием, отцовскими правами и практиками мужчин.

Социальные каноны внешности. Традиционно внешняя привлекательность определяется как наиболее важная для женщин. Однако конец XX — начало XXI века свидетельствуют о распространенности образов, которые акцентируют ухоженность, эстетичность и сексуальность мужского тела. Важная роль в продвижении таких идеалов телесной маскулинности принадлежит консьюмеристской культуре и рекламе, которые таким образом стимулируют расширение сбыта определенных товаров, в первую очередь мужской одежды и косметики. По мнению некоторых исследователей, в этой ситуации часто имеет место так называемый двойной маркетинг, предполагающий ориентацию рекламы одновременно на гомо- и гетеросексуальных мужчин. К примеру, Д.Рохлингер отмечает, что значительное влияние на распространение эротизированных образов мужчин в рекламе оказали социокультурные изменения, связанные с требованиями нормализации гомосексуальности, активно артикулируемыми гей- и ЛГБТ-движениями¹, начиная с 1960–1970-х годов [Rohlinger, 2002]. Это может быть связано с тем, что для продвижения новых товаров рекламодатели пытаются изменить традиционные представления о маскулинности, акцентируя естественность мужского потребления товаров для ухода за внешностью. Этому, в частности, содействует использование идеи мужчины-метросексуала — успешного городского мужчины, который обожает шопинг и тратит значительную часть своего дохода на поддержание и подчеркивание своей внешней привлекательности [Simpson, s. a.]. Можно также предположить, что использование эротизированных образов мужчин в рекламе товаров и услуг для женщин ориентируется на финансово независимых женщин и таким образом привлекает их внимание и стимулирует соответствующий консьюмеристский выбор.

Последствием распространения подобных мужских образов становится расшатывание традиционного понимания маскулинности, которое характеризуется осуждением чрезмерного внимания к собственному внешнему виду и ограничением спектра практик ухода, поскольку они ассоциируются и стигматизируются как феминные или гомосексуальные. Это, в свою очередь, может обуславливать проблематизацию восприятия собственного тела, вызывать неудовлетворенность и депрессию, особенно у тех мужчин, которые не отличаются особо привлекательной внешностью и телосложением, а также может вызывать дискомфорт и обеспокоенность среди мужчин, которые в силу разных обстоятельств не имеют на все эти вещи ни ресурсов, ни желания — сельских жителей, старших по возрасту, бедных мужчин и т.п. [Weunon, 2002: p. 77]. Таким образом, в наше время мужчины могут переживать проблемы, подобные тем, которые уже давно имеют женщины с “мифом красоты” и “культу феминности” [Бурейчак, 2007].

Расшатывание социокультурных представлений о гегемонной маскулинности не обязательно предполагает только негативные реакции. Реак-

¹ ЛГБТ-движения — социальные движения за прекращение дискриминации и равные права лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендерных лиц.

ции мужчин на подобные изменения могут принимать различные варианты, что зависит от ряда факторов. Тем не менее можно говорить об условно конструктивных и деструктивных сценариях социальной адаптации. Первые предполагают принятие изменений и адаптацию к ним (в частности, путем переосмысления/переинтерпретации собственной идентичности и практик ее подкрепления/реализации в новых условиях). Вторые, соответственно, связаны с проблематичностью принятия или вообще отрицанием изменений, что воплощается в деструктивных практиках в отношении себя (алкоголизм, депрессии, суициды и т.д.) или других (агрессия, насилие). Это может также проявляться в противодействии изменениям и в призывах вернуться к прошлому [Кон, 2003]. Соответственно, мужчины могут искать способы положить конец угрозе традиционным ценностям, идеализируя надежные прежние гендерные идеалы. Выбор конструктивного или деструктивного сценария во многом зависит от социально-экономических, культурных и политических факторов, определяющих приоритеты гендерной политики государства и легитимирующих определенные представления о нормативной маскулинности и феминности.

Таким образом, кризис маскулинности как феномен XX века связан с проблемами адаптации мужчин к комплексу современных социальных изменений. Это в значительной степени обусловлено традиционными и консервативными по своему содержанию требованиями к маскулинности, которые тормозят гибкое приспособление мужчин к изменчивому миру. С одной стороны, изменения в сторону эгалитарных гендерных отношений и разрушения оппозиционных представлений о маскулинности и феминности могут восприниматься как отступление от принципов и подчинение обстоятельствам, что противоречит требованию твердости воли и характера мужчины в соответствии с традиционными представлениями. С другой стороны, как объясняет М.Месснер, нежелание мужчин меняться связано с потерей власти, ведь традиционный гендерный режим легитимирует институциональные привилегии мужчин, и его изменение обязательно предполагает более равномерное перераспределение прав и привилегий представителей разных гендерных групп [Messner, 2006].

Эссенциалистский подход: кризис маскулинности — неотъемлемый аспект гегемонной маскулинности

Эссенциалистский подход обращает внимание на то, что суть гегемонной маскулинности деструктивна в отношении мужчин, и это ее неотъемлемый и неизменный признак. Речь идет о том, что социальные нормы и ожидания в отношении поведения и сценариев успешности мужчин слишком ограничены, что делает традиционные идеалы маскулинности недостижимыми для большинства мужчин. Это, в свою очередь, усиливает мужские тревоги в случае несоответствия этим нормам и социальную стигматизацию “неуспешных”, “ненастоящих” мужчин. Следовательно, традиционное понимание маскулинности способствует и нормализует деструктивные способы мужской самореализации — через самоограничение, утверждение за счет подчинения других, боязнь выглядеть женственным и т.п. Э.Томсон и Дж.Плек [Thompson, Pleck, 1986], в частности, говорят о том, что структура

социальных ролевых ожиданий в отношении мужчин определяется тремя факторами:

- 1) нормой статуса;
- 2) нормой твердости (интеллектуальной, эмоциональной и физической);
- 3) нормой антиженственности.

Все они по отдельности или в своей совокупности способны делать мужчин уязвимыми к ситуациям, в которых существует угроза не соответствовать критериям “подлинной” маскулинности.

Норма статуса предполагает измерение успеха мужчин величиной их заработка, карьерным успехом и удовлетворением материальных потребностей своей семьи. М.Киммел в данном случае использует понятие “рыночная маскулинность” [Киммел, 2008: с. 40]. Такие социальные представления об основной роли мужчин отражаются в том, что ситуация финансовой неуспешности может ставить под угрозу их маскулинность. Традиционное представление о мужестве формируется вокруг богатства, власти и положения в обществе. Однако на самом деле очень немногим мужчинам выпадает достаточно денег, власти и уважения, чтобы чувствовать себя уверенно. Требование финансовой успешности также часто вынуждает мужчин выбирать профессию не на основе склонностей, интересов и увлечений, а руководствуясь критерием прибыльности работы и перспективности карьерного продвижения [Берн, 2002: с. 169]. Таким образом, норма статуса, которой в реальности может соответствовать совсем небольшая доля мужчин, потенциально приводит к заниженной самооценке и поиску не всегда конструктивных способов ее повышения. Компенсаторная маскулинность, которая активизируется в этой ситуации, призвана преодолеть несоответствие общепринятому стандарту мужества. Часто она может принимать форму демонстративной “крутизны”, что создает ощущение силы и контроля. Дж.Плек отмечает, что в случае, когда мужчины не соответствуют одному из аспектов нормативного идеала маскулинности, они склонны демонстрировать преувеличенную маскулинность в другой сфере, компенсируя тем самым собственную несостоятельность [Thompson, Pleck, 1986]. Например, мужчины, принадлежащие к рабочему классу, больше инвестируют в значимость собственной физической силы, которая для них выступает компенсаторным индикатором маскулинности при отсутствии финансовой успешности.

Норма твердости реализуется в трех формах — физической, интеллектуальной и эмоциональной. Норма физической твердости — это ожидание физической силы, выносливости и устойчивости. Это требование может проявляться, с одной стороны, в желании подчеркнуть свою маскулинность, к примеру, путем наращивания мускульного веса, увлечения боевыми искусствами и силовыми видами спорта. С другой стороны, норма физической твердости приводит к преувеличению потенциала своей физической выносливости и делает мужчину склонным пренебрегать проблемами собственного здоровья, а это имеет очень серьезные личные и социальные последствия. К ним можно отнести значительно меньшую продолжительность жизни мужчин, характерную для всех развитых индустриальных стран. В Украине средняя продолжительность жизни мужчин одна из самых низких в Европе (рис. 2).

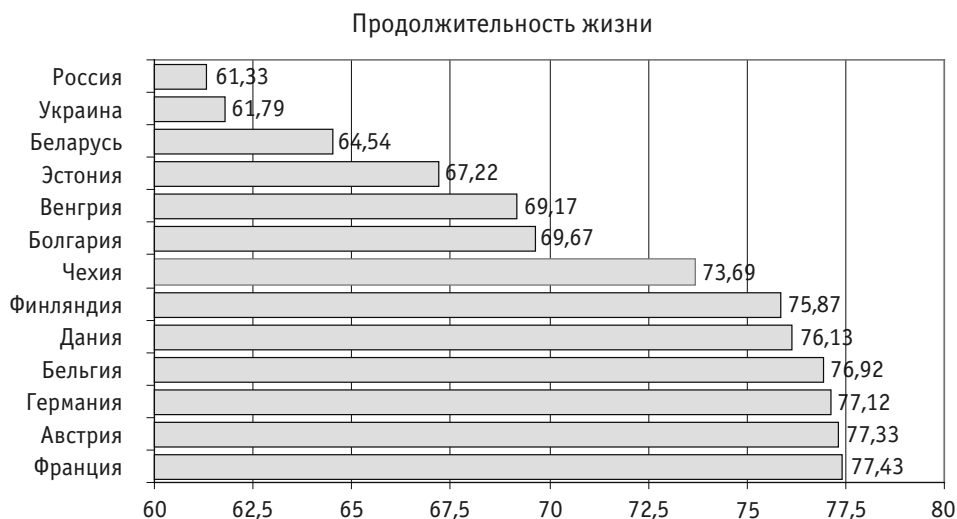

Рис. 2. Средняя продолжительность жизни мужчин в европейских странах (2007)¹

Отмечу также, что средняя продолжительность жизни мужчин в Украине на 12 лет меньше, чем у женщин. Она составляла 62 года против 74 лет у женщин в 2008 году [Гендерна мапа України, s. a.]. Эти показатели во многом определяются сверхвысокой смертностью мужчин в трудоспособном возрасте. В частности, в возрасте 20–45 лет мужчины умирают в 3–3,5 раза чаще своих женщин-ровесниц [Жінки і чоловіки в Україні, 2007: с. 17]. Подобная разница связана с рядом обстоятельств как генетического, так и социального характера. К последним, в частности, относят большую степень вовлеченности мужчин в рискованное поведение, опасные для здоровья производства, криминальную деятельность и т.п. Показатели их насильственной смертности многократно превышают аналогичные для женщин. Существует также значимый гендерный разрыв в пользу мужчин среди самоубийц. В подростковом возрасте эти показатели чрезвычайно высоки. Так, удельный вес смертей по этой причине для мужчин в возрасте 15–19 лет составляет более 15% от всех умерших в этом возрасте. Соответствующие показатели для женщин втрое ниже [Жінки і чоловіки в Україні, 2007: с. 24]. Существенный гендерный разрыв можно также наблюдать в социально обусловленных видах заболеваний. В частности, заболеваемость туберкулезом — болезнью, которая с 1995 года признана эпидемией и которой поражено, по неофициальным подсчетам, 1,5 млн населения Украины, — в 3–3,5 раза выше в случае мужчин по сравнению с женщинами (эти показатели в 2004 году составили 27 727 случаев (72,2%) для мужчин и 10 676 случаев (27,8%) для женщин) [Залучення чоловіків, 2006: с. 16]. Уровень заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами среди мужчин в среднем в 6–7 раз превышает соответствующие показатели среди женщин. Мужчины также в 5–6 раз чаще женщин попадают под влияние наркотической зависи-

¹ Human Mortality Database. University of California, Berkeley (USA), and Max Planck Institute for Demographic Research (Germany). [Electronic resource] available at : www.mortality.org or www.humanmortality.de.

мости [Залучення чоловіків, 2006: с. 18–19]. Таким образом, неоправданно высокая оценка состояния своего здоровья, нежелание и боязнь выглядеть слабым и стремление к риску, подкрепляемые существованием в обществе двойных гендерных стандартов и толерантным отношением к такому поведению, ведут к превращению мужчин в заложников традиционных представлений о маскулинности, за что они расплачиваются собственным здоровьем, а порой и жизнью.

Норма физической твердости требует также применения силы мужчинами в определенных ситуациях, когда не проявление агрессии может расцениваться как немужское поведение. Утверждение маскулинности через агрессию можно рассматривать как способ компенсации неспособности реализовать себя по-другому. Данные исследований свидетельствуют о том, что мужчины, склонные применять насилие, часто имеют заниженную самооценку и низкий социоэкономический статус [Берн, 2002: с. 175]. Криминальная деятельность в целом имеет четкую гендерную окраску. Так, в Украине по состоянию на 2006 год количество мужчин, осужденных за совершение намеренного убийства, почти в 7 раз превышало соответствующее количество женщин (87% против 13%). Подобный гендерный разрыв наблюдается и в случае других видов преступлений (см.: [Жінки і чоловіки в Україні, 2007: с. 86]; о преступлениях, совершаемых молодыми мужчинами — выходцами из рабочей среды и часто являющимися безработными см. также: [Edwards, 2006: р. 11]). Иногда недоступность власти, денег и ресурсов побуждает компенсировать это путем применения силы к людям, которые не могут дать достойный отпор. Мужчины неопровержимо доминируют как агрессоры, прибегающие к физическому, экономическому и сексуальному насилию в отношении женщин в семейной сфере [Hearn, 2006]. Хотя насилие не является повседневной практикой большинства мужчин, однако применение физической силы и агрессии мужчинами — весьма распространенное явление как в украинском, так и в мировом масштабе.

Норма умственной твердости предполагает ожидание компетентности мужчин в большинстве жизненных ситуаций. Учитывая это, многие из них стараются не обращаться за советом, даже в ущерб поиску необходимой информации. Это также может приводить к конфликтам в межличностных отношениях, когда признание собственной неправоты традиционно воспринимается мужчинами как унижение их мужского достоинства [Берн, 2002: с. 177].

Норма эмоциональной твердости предполагает, что мужчина должен уметь сдерживать чувства и самостоятельно решать свои эмоциональные проблемы. Это, в свою очередь, обедняет межличностные отношения мужчин, ограничивая проявления эмоциональности. Мужчины чаще женщин страдают от проблем в сферах самораскрытия, доверия своих чувств другим, эмпатии, способности предложить эмоциональную поддержку близкому человеку и т.п.

Традиционное поведение мужчин ограничивает и *норма антиженственности*, побуждая их избегать стереотипно женских занятий и моделей поведения. У некоторых мужчин это может проявляться в форме феминофобии — боязни показаться женственным, что, вероятно, связано со стереотипом сексуальной инверсии, согласно которому феминность у мужчины воспринимается как признак гомосексуальности. М.Киммел отмечает, что страх оказать-

ся заподозренным в гомосексуальных наклонностях побуждает мужчин к сверхмаскулинному поведению гомофобного характера [Киммел, 2008].

Хотя рассмотренные выше примеры в основном касаются современного общества, гендерные теоретики, изучающие феномен маскулинности в исторической перспективе, утверждают, что примеры подобных кризисов можно найти и в прошлом. Это, например, подтверждают исследования кризиса маскулинности в Англии эпохи Тюдоров и ранних Стюартов [Fletcher, 1995], фашистский вариант маскулинности [Mosse, 1996], поствьетнамский кризис маскулинности в США [Jeffords, 1989] и др. Такие исследования доказывают, что социальные изменения, которые приводят к перепредделению устоявшихся пониманий маскулинности, воспринимаются как угроза “подлинной” маскулинности и вызывают значительное сопротивление со стороны мужчин с традиционными представлениями. А поскольку в самом определении патриархатной (гегемонной) маскулинности заложено требование твердости, это делает адаптацию к другим представлениям о маскулинности проблематичной.

Критический подход:

кризис маскулинности не имеет ничего общего с реальностью

Представители критической позиции рассматривают кризис маскулинности как дискурсивный продукт, проблематизированный определенными социальными группами и далекий от реальности. Способы аргументации в данном случае могут быть совершенно разными.

Идею об отсутствии кризиса развивает в своем исследовании с провокативным названием “Конец маскулинности” (1998) известный британский теоретик маскулинности Джон МакИннес [MacInnes, 1998]. Его объяснения основаны на том, что маскулинность — это не свойство, не характерная особенность и не аспект идентичности индивидов [MacInnes, 1998: p. 2]. Поэтому всякая теория кризиса маскулинности ошибочна. Маскулинность он рассматривает как социальный конструкт и изобретение модерности; только в этот исторический период маскулинность и феминность впервые начинают рассматриваться как существенно разнопорядковые категории. Раньше представление о женщинах как о второсортных существах делало невозможным сравнение их с мужчинами. Если в начале модерности маскулинность рассматривается как социальный концепт, призванный легитимировать более высокий статус мужчин по отношению к женщинам, то со временем это представление трансформируется в сторону критики такого состояния вещей. По убеждению Дж.МакИннеса, само появление концепта маскулинности в публичном дискурсе стало признаком ее кризиса, поскольку требовало переосмысления социальных представлений о маскулинности. Наряду с феминизмом подобному перепредделению представлений о маскулинности и феминности во многом способствуют и “материальные силы” модерности, а именно современный капитализм и либеральная политическая философия, которые подрывают патриархатные отношения [MacInnes, 1998: p. 322]. Возможность феминизации занятости и достижений женщин в современных обществах фактически обуславливает формальное равенство полов и отмену идеологии мужчины как семейного кормильца. Под “концом маскулинности” автор в первую очередь понимает начало упадка представлений о маскулинности как ассоциированной с властью.

Следует отметить, что большинство социальных теоретиков профеминистского направления оценивают идею кризиса маскулинности весьма скептически (напр.: Херн [Hearn, 1999]; Вайтхед [Whitehead, 2005]; Эдвардс [Edwards, 2006] и др.). Это, в частности, аргументируется тем, что в действительности оснований для кризиса маскулинности сейчас почти нет, поскольку мужчины продолжают аккумулировать в своих руках полномочия, богатство и власть; в большинстве профессиональных сфер остается “стеклянный потолок”, блокирующий достижение женщинами самых высоких должностей; женщины продолжают выполнять большую часть работы по домохозяйству и уходу за детьми, а также страдать от насилия со стороны мужчин. Теоретики, критически оценивающие факт кризиса маскулинности, не отрицают, что в течение XIX — в начале XXI веков происходит изменение гендерного режима в сторону подрыва власти мужчин. Вместе с тем эти социальные трансформации пока не оцениваются как приводящие к существенным изменениям в понимании природы гегемонной маскулинности, а скорее являются свидетельством ее трансформации. Кроме того, современные последствия гендерной дискриминации для женщин несоизмеримо глубже и масштабнее по сравнению с деструктивными опытами мужчин в результате изменения гендерного режима. Такая ситуация характерна для всех без исключения стран, даже для демонстрирующих высокие показатели гендерного равенства, а об Украине, которая на этом фоне выглядит не слишком оптимистично, вообще говорить не приходится [Hausman, Tyson, Zahidi, 2010].

Таким образом, очевидно, что в дискуссии о кризисе маскулинности следует разграничивать феномены “маскулинности в кризисе” (кризис определения) и “мужчин в кризисе” (кризис опыта), как взаимовлияющие, но не взаимообусловленные. Три теоретических подхода, рассмотренные в данной статье, свидетельствуют о существовании разных акцентов в понимании этих вопросов. Согласно историческому подходу кризис маскулинности интерпретируется как трансформация социальных *представлений* о природе гендерных идентичностей, отношений и структур, что потенциально может вызывать дискомфорт и сопротивление со стороны мужчин. Эссенциалистский подход концентрирует внимание на деструктивных *опытах* мужчин, связанных со слишком узкими нормами гегемонной маскулинности. Итак, эти два подхода, по сути, поднимают вопрос о том, что является более кризисным для опыта мужчин — изменение гендерного режима в сторону ослабления патриархатных отношений или, наоборот, их усиление. Критический подход отказывается от определения современной ситуации и как кризиса маскулинности, и как мужчин в кризисе, аргументируя это недостаточностью оснований для подобных выводов. Все эти интерпретации, безусловно, представляют интерес, однако важно подчеркнуть, что рассмотрение социальных представлений о маскулинности и опыте мужчин невозможно интерпретировать и применять без локализации соответствующей дискуссии в определенном социокультурном и историческом контексте, а также без рассмотрения социальных характеристик конкретных групп мужчин. Впрочем, независимо от акцентов в теоретических деконструкциях кризиса маскулинности очевидно, что сам факт таких обсуждений доказывает наличие социальной “ощутимости” маскулинности и опыта мужчин, а значит, рефлексии по вопросам, которые длительное время оставались незаметными для социологического взгляда, в том числе в украинской социологии.

Источники

Берн Ш. Гендерная психология / Берн Ш. — СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. — 320 с.

Бурейчак Т. Коммодифіковане тіло : дискурси тілесності в українській рекламі / Т. Бурейчак // Вісник Львівського університету ; вип. 1. — Львів : ЛНУ ім. І. Франка, 2007. — С. 149–161. — (Серія : Соціологічна).

Бурейчак Т. Криза маскулінності в теоретичній та емпіричній перспективі / Т. Бурейчак // Гендерні теорії, гендерні практики: налагоджуючи мости : Міжнар. наук.-практ. конф. : зб. доп. — Х. : Райдер, 2008. — С. 20–27.

Володько В. Вибір країни міграції та життєві траєкторії українських трудових мігрантів (регіональний аспект) / В. Володько // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки : зб. наук. праць. — 2007. — Т. 12, вип. 6. — С. 679–686.

Гендерна мапа України [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.gendermap.org.ua/indicators/>.

Гендерні стереотипи та ставлення громадськості до гендерних проблем в українському суспільстві / за ред. Ю.І. Саєнка. — К. : ВАІТЕ, 2007. — 144 с.

Жінки і чоловіки в Україні : стат. зб. — К. : Держкомстат України, 2007. — 131 с.

Залучення чоловіків до збереження здоров'я в Україні : аналітичний звіт. — К. : Фонд народонаселення ООН : Мін-во України у справах сім'ї, молоді та спорту, 2006. — 70 с.

Здравомыслова Е. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / Е. Здравомыслова, А. Темкина // О муже(н)ственности : сб. статей / ред. С. Ушакин. — М. : Новое лит. обозрение, 2002. — С. 432–451.

Киммел М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности / М. Киммел // Наслаждение быть мужчиной : западные теории маскулинности и постсоветские практики / Ш. Берд, С. Жеребкин. — СПб. : Алетей, 2008. — С. 38–57.

Кон І. Чоловіки, які змінюються у мінливому світі [Електронний ресурс] / І. Кон // Незалежний культурологічний журнал "І". — 2003. — № 27. — Режим доступу до статті : www.ji.lviv.ua/n27texts/kon.htm.

Марценюк Т. Формування маскулінності у дітей шкільного віку [Електронний ресурс] / Т. Марценюк // Інформаційно-просвітительське видання "Я" ; Харківська жіноча організація "Крона". — 2008. — С. 16–20. Режим доступу до журн. : http://www.krona.org.ua/mag/Men_problem_www.pdf. — (Спецвыпуск "Права мужчин в контексте равных прав и равных возможностей").

Марценюк Т. Відповідальне батьківство та гендерна рівність / Т. Марценюк // Інформаційно-просвітительське видання "Я" ; Харьковская женская организация "Крона". — 2008. — С. 12–13. — (Спецвыпуск "Новые роли для украинских женщин").

Рябчук А. Деструктивні маскулінності у пострадянському контексті на прикладі життєвих історій київських "бомжів" / А. Рябчук // Актуалізація проблем чоловіків в контексті їх рівних прав та можливостей : Всеукр. наук.-практ. конф. : матеріали конф. — Вінниця : ВООГО "Відкрите суспільство", 2008. — С. 12–13.

Стрельник О.О. Гендерна нерівність та актуальні проблеми чоловіків як клієнтів соціальної роботи / О.О. Стрельник // Методологія, теорія і практика соціологічного аналізу сучасного суспільства ; вип. 15. — Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2009. — С. 547–550.

Шевченко О. "Если ты такой умный, то почему такой бедный?" : Утверждая мужественность технической интеллигенции // О муже(н)ственности : сб. статей / ред. С. Ушакин. — М. : Новое лит. обозрение, 2002. — С. 288–302.

Циммер К. Як трудова міграція змінює Україну [Електронний ресурс] : К. Циммер. — Режим доступу : <http://www.unian.net/ukr/news/news-181289.html>.

Бейнон Дж. Masculinities and culture / Beynon J. — Buckingham, Philadelphia : Open University Press, 2002. — 191 p.

Bureychak T. Cossacks in Ukrainian consumer culture : new old masculinity model [Electronic resource] / T. Bureychak // Proceedings from GEXcel; Theme 2: Deconstructing the hegemony of men and masculinities conference 27–29 April 2009 ; ed. by Jeff Hearn. — Linköping : Linköping: Institute of Thematic Gender Studies, 2009. — P. 215–26. — Access mode : http://www.genderexcel.org/?q=webfm_send/55.

Clare A. On men: Masculinity in Crisis / Clare A. — London : Chatto & Windus, 2000. — 262 p.

Connell R.W. Gender and power / Connell R.W. — Stanford ; CA : Stanford University Press, 1987. — 334 p.

Connell R.W. Masculinities / Connell R.W. — Cambridge : Polity Press, 1995. — 295 p.

Edwards T. Cultures of masculinity / Edwards T. — London : Routledge, 2006. — 182 p.

Faludi S. Stiffed : The betrayal of the modern man / Faludi S. — London : Vintage, 2000. — 676 p.

Fletcher A. Gender, sex and subordination in England, 1500–1800 / Fletcher A. — New Heaven ; CT : Yale University Press, 1995. — 442 p.

Hausman R. Global gender gap report [Electronic resource] / R. Hausmann, L.D. Tyson, S. Zahidi. — Cologne ; Geneva : World Economic Forum, 2010. — Access mode : <http://www.weforum.org/404.html>.

Hearn J. Definitions and explanations of men's violences // J. Hearn // Men and masculinities. Critical concepts in sociology : Crime, war and violence ; Vol. 2, Part 5. — London : Routledge, 2006. — P. 361–393.

Hearn J. A crisis in masculinity or new agendas for men? / J. Hearn // New Agendas for Women / ed. S. Walby. — London : Macmillan, 1999. — P. 148–168.

Human Mortality Database [Electronic resource] // University of California, Berkeley (USA) ; Max Planck Institute for Demographic Research (Germany). — Access mode : www.mortality.org ; www.humanmortality.de.

Janey B.A. Masculinity in post-Soviet Ukraine : An exploratory factor analysis // B.A. Janey, S. Plitin, J.L. Muse-Burke, V.M. Vovk // Culture, society & masculinity. — 2009. — Vol. 1, issue 2. — P. 137–154.

Jeffords S. The remasculinization of America : Gender and the Vietnam war / S. Jeffords. — Bloomington, IN : Indiana University Press, 1996. — 215 p.

MacInnes J. The end of masculinity / J. MacInnes. — Buckingham : Open University Press, 1998. — 168 p.

Messner M. Men and masculinities / Messner M. // Men and masculinities. Critical concepts in sociology : Politics and power ; Vol. 1, Part 1. — London : Routledge, 2006. — P. 64–74.

Mosse G.J. The image of man : the creation of modern masculinity / G. Mosse. — Oxford : Oxford University Press, 1996. — 240 p.

Rohlinger D.A. Eroticizing men: Cultural influences on advertising and male objectification [Electronic resource] / Rohlinger D.A. // Sex roles : A journal of research. — 2002. — Febr. — Access mode : http://www.findarticles.com/p/articles/mi_m2294/is_2002_Feb/ai_90888979.

Segal L. Men at bay : the contemporary “crisis” of masculinity // Lynne Segal // Men and masculinities : Critical concepts in sociology ; Vol. 1, Part 1. — London : Routledge, 2006. — P. 272–281.

Simpson M. Meet the metrosexual [Electronic resource] / M. Simpson. — Access mode : <http://dir.salon.com/story/ent/feature/2002/07/22/metrosexual/index.html>.

Thompson E.H. The structure of male role norms / E.H. Thompson, J.H. Pleck // American Behavioural Scientist. — 1986. — № 29. — P. 531–543.

Whitehead S.M. The sociology of masculinity // S.M. Whitehead, F.J. Barret // The masculinities reader. — Cambridge : Polity, 2005. — P. 1–26.